Для неграмотных на обратной стороне был рисунок. Голова с косичками, знак равенства, двенадцать схематических голов в платочках и человечек в ботинках. Креативненько.

— Что нам делать, уважаемый? — спросил Марк.

Как будто я знаю. Я бросил послание на стол рядом с ножнами, поскрёб ногтями бинты на руке. Хильд виновата сама, своей жаждой мести угробила не только себя, но и подчинённых. По справедливости, нужно её оставить, пусть сама отвечает за свои ошибки.

— Никого отдавать мы не будем, — сказал я, разломив пополам дощечку и закинув её в камин.

— А как же хозяйка?

Зуд под повязками стал непереносимым. Я скинул рубаху, и начал сдирать грязные тряпки вместе с кровавой коростой.

— Что вы делаете, Александер?

Я шипел и ругался сквозь зубы, разматывая ткань. Больно же! Однако, на удивление, крови было не много. Большая часть ран успела затянуться, и только из самых глубоких царапин покатились тонкие красные полоски крови.

— Ох, тьма великая! — Марк вместе с парнем вскочили с лавки и стояли поодаль, с ужасом глядя на мои мучения.

— Да не стойте вы столбом, помогите! — рыкнул я на них, пытаясь отодрать прилипшую ткань со спины. — Глинда! Принеси бинты и воду!

Через полчаса я уже был заново перебинтован и больше не хотел содрать с себя кожу. Глинда с помощью Дары прибрала устроенный мной беспорядок. После чего принесла остывшую кашу с половиной каравая хлеба. Которые я и уминал сейчас, обдумывая, что делать дальше.

Марка с племянником я пока что отослал по домам, сказав чтобы приходили ближе к вечеру. Торопиться и пороть горячку не было смысла. Может дождаться возвращения Марты с Игором? Она меня хотя бы подлатает нормально. Или добьёт, за то что не спас сестру. Тоже вариант.

Дара принесла с кухни пышущий жаром самовар, Глинда — поднос с чашкой и двумя кренделями. Молча налила чай, поставила передо мной и ушла, не сказав ни слова. Выглядела она совсем плохо: бледная, с заплывшими от синяков глазами. Но меня больше беспокоило её молчание и абсолютная покорность. Надо с ней поговорить, как-то объясниться за случившееся с её женихом чёртовым. А то сижу, делаю вид что ничего не случилось. Но это всё потом.

Пока что я придумывал план спасения Хильд. Сидел, держа в руках чашку с почти прозрачной жидкостью, и смотрел на самовар перед собой.

***

Бок самовара блестел, но отражение в нём был не разобрать — красноватая медь была покрыта паутиной тонких царапин.

В голове всплыло воспоминание: палящее солнце, пыльный плац и красное, потное, рябое лицо

нашего комроты, майора Ляшенко — точно как этот самовар. Сергей Семёнович, балагур и матерщинник, в тот день не сказал ни единого грубого слова, да и потел он вовсе не от июльской жары. Случилось ЧП: в учебке погибли пятеро призывников.

— Бойцы! Каждый из вас осваивает автомат Калашникова образца тысяча девятьсот семьдесят… четвёртого года.

Ляшенко говорил необычно, с долгими паузами. С каждой паузой его лицо багровело чуть ли не до синевы, мясистые ноздри раздувались. Казалось, что из-под русых бровей вот-вот сорвутся молнии. Каждое слово он забивал, как гвоздь.

— Модернизированный. Самое известное оружие в мире, самое лучшее оружие… мира. Никто не дал… такого оружия миру. Кроме великого советского конструктора генерал-лейтенанта Михаила Васильевича Калашникова. Двести тысяч трупов каждый год! Во всём мире!

Я стоял почти что напротив комроты, казалось, что тяжёлое дыхание седеющего майора пышет жаром мне прямо в лицо. Конечно, это было не так. Сергей Семёнович близко к строю не подходил — просто так отложилось в памяти напряжение того дня.

— Больше, чем от… артиллерии. Так. Я хочу, чтобы вы…

Ляшенко сделал очень длинную паузу, проводя взглядом вдоль строя.

— …запомнили, что это не самое страшное оружие. Даже если Родина пошлёт… вас защищать её, вы не должны бояться автомата. Вы не должны бояться… артиллерии, авиации, танков.

Майор медленно поднял сжатый кулак, показывая его нам. Я даже рассмотрел белую кожу без волос, больше похожую на один сплошной шрам: «афганский сувенир», как шутил майор. Сергей Семёнович медленно разогнул палец и постучал себе по голове:

— Вот это… самое страшное оружие, его бояться надо. Глупость. Запомните, бойцы, нет ничего страшнее, чем дурак и техника. Автомат Калашникова убивает двести тысяч в год. В Хиросиме и Нагасаки американцы убили полмиллиона человек. Дураки на машинах убивают по миллиону каждый год. Запомните это.

В тот день в нашей учебной части никто ни в кого не стрелял. Под началом такого командира, как Ляшенко, никакой дедовщины быть не могло. Никто не подорвался на гранате, никто не сгорел в пожаре, не взрывалась ракета. Просто парень из Петрозаводска по фамилии Семёнов загонял в ангар «урал», хотел затормозить, но вместо этого газанул. Пашка Лаврентьев чудом успел отпрыгнуть, пятеро не успели.

Нет ничего опаснее, чем техника в руках дурака.

А здесь больше тысячи дураков, скатившихся в каменный век, сидят в пещере на груде непонятных технологий.

***

— Хозяин.

Меня зовут? Я вздрогнул, вынырнув из омута воспоминаний. Сколько я так просидел? Почему вспомнил давно забытый эпизод из прошлого?

— Хозяин!

Дара. Я вскочил и побежал на кухню — орчанка кричала оттуда. Обе девушки сцепились возле разделочного стола: Глинда пыхтела и дёргалась, пытаясь вытащить руку с ножом из захвата чёрных пальцев Дары.

— Что происходит? — я в три шага оказался возле них, выбил нож из руки Глинды и раскидал обоих девушек по разным углам кухни.

Если Дара покорно осталась в том месте, куда я её отшвырнул, то Глинда с маниакальным упорством поползла на четвереньках за упавшим на пол ножом.

— Может кто-нибудь объяснить, что тут случилось? — гаркнул я, наступая на нож и вздёргивая Глинду за руку как морковку из грядки.

— Я всё равно убью себя! — истерично взвизгнула рыжая, дёргаясь всем телом. — От меня одни несчастья! Я проклята! Убей меня, Александер! Убей как Анжея! Всем только лучше будет.

Я встряхнул девушку, так что та прикусила язык. Затем обхватил рукой поперёк туловища, чтобы не дёргалась и обернулся к Даре:

— Рассказывай, что тут у вас произошло.

— Старшая объясняла мне, как мыть тарелки и куда ставить. В дверь вон там зашла старуха. Накричала на старшую, что она ведьма, сгубила её сына. Заметила меня, закричала и убежала. Старшая взяла нож и приставила себе к шее. Я позвала тебя.

— Я приношу несчастья. Родители, подруги, хозяйка, Анжей… все рядом со мной страдают. Я проклята, — через слёзы заныла Глинда, обвисшая в моих руках как тряпка. — Хватит. Не хочу видеть эти лица, слышать шепотки и смех за спиной. Не хочу быть во всём виноватой. Не хочу быть.

Разрази тебя гром, как всё вовремя! Я перехватил девушку поудобнее и прижал к себе, в надежде успокоить как маленького ребёнка.

— Тише, тише. Никакая ты не ведьма. И ни в чьей смерти не виновата. Родителей твоих упыри погубили, подруг они же похитили. Анжея… Анжея я убил, потому что он хотел убить меня. А Хильд мы спасём. Вот вернётся она, а кто ей по хозяйству помогать тут будет?

— Дара вон… — Глинда уткнулась в меня носом.

— А Дару кто всему научит? Ну?

— Вот кто из леса её сюда принёс, тот пусть и учит. — обиженно сказала рыжая. — А то вручил мне, как кутёнка какого.

Ну, вроде успокоилась. Я аккуратно поставил девушку на ноги и заглянул в глаза. Красивые, хоть и с фингалами, в сеточке лопнувших сосудов.

Нельзя её сейчас оставлять одну. И за Дарой тоже пригляд нужен. Желательно подальше от деревенских — они хоть и выглядят безобидными крестьянами, но под пасторальным пейзажем здесь бурлят страсти не хуже шекспировских.

— Вот что, Глинда. Собирайся. Мы идём спасать Хильд.

— Мы?

— Ты, я, Дара.

— Прямо сейчас?

— Чем быстрее — тем лучше!

— Но… но… но как?

Ещё бы я знал. Улыбнулся как можно увереннее и подмигнул:

— Это секрет!

Глинда металась по дому, собирая продукты и всё необходимое по её мнению для похода. Я же решал чудовищную проблему, вставшую передо мной в полный рост: отсутствие штанов. Всё, что принесла мне Глинда, на меня не налезало. А мои штаны так и валялись порванные и грязные в предбаннике. Пришлось залезать в гардероб Хильд, единственного подходящего по телосложению человека в деревне. К моему ужасу, штанов там не нашлось, одни только сарафаны, юбки и платья. Вот что значит отсутствие верховой езды.

Пришлось наплевать на принципы и моральные нормы из прошлой жизни. Выбрал наугад юбку чуть ниже колен, и решительно влез в неё. Затянул вездесущие верёвочки, подпоясался мечом, повязал платок на голову — здравствуйте, я ваша тётя! Осталось только берцы надеть.

Дара тоже переоделась, в нормальные штаны и рубаху. Костяной браслет она переделала в бусы, и прицепила к своим кудряшкам в виде свисающих подвесок. Глинда оделась так же, добавила к костюму плащ с капюшоном и деревянные туфли.

Небольшая заминка вышла перед самым выходом: Дара с упрямством, достойным лучшего применения, схватилась за мешок с припасами и отказывалась идти налегке. Благо что в арсенале нашёлся трофейный рюкзак и эту проблему мы быстро уладили, разделив груз пополам.

На выходе из ворот нас встретил Марк в немаленькой компании деревенских. При моём появлении в компании девушек толпа зашумела, уплотнилась и подалась к нам. Я различил отдельные возгласы:

— Уходит! Нас бросает! Анжей правду говорил! Добра-то сколько набрал! Орчиха, глянь!

— Тихо! — гаркнул я, на всякий случай отодвигая девушек за спину. — Я ухожу к логову упырей, чтобы спасти Хильд. Если кто-то захочет мне в этом помочь — приходите туда же. Марк дорогу знает.

Тишина мне была ответом. Пожав плечами, я прошагал мимо оторопевшего старосты, мимо провожающих нас взглядами деревенских жителей — по знакомой уже дороге, в лес. И только когда мы прошли последние дома Тихани, и зашагали вдоль убранных полей, выдохнул и отпустил рукоять меча.

Пока мы собирались, день стал клониться к закату. Солнце ещё не опустилось за деревья, но засветло я уже не рассчитывал дойти до Убежища. Придётся устроить лагерь в лесу, чтобы

переночевать.

Я бы дошёл и по темноте — светяшку в руки и вперёд. Тем более что я днём успел отлежаться и восстановить силы после махача с орками. Сна не было ни в одном глазу, и даже раны не так сильно чесались как с утра. Мышцы всё ещё ныли, но равномерный шаг по песчаной дороге разогнал в них кровь, и неприятные ощущения отошли на второй план, сменившись удовольствием от прогулки.

Девушек я пустил вперёд. Поставил самую медленную из нас, Глинду, во главе отряда под предлогом того, что она знает дорогу. Теперь рыжие косички прыгали у меня перед глазами, выглядывая из-под белого платка с вышитыми геометрическими узорами. Дара шла чуть в стороне, обманчиво медленным, плавным шагом. Казалось будто она плывёт над дорогой: даже её костяные побрякушки в причёске висели неподвижно. Босые ноги оставляли на песке идеально ровную цепочку следов.

А я на автомате шагал позади, подстроившись под темп Глинды. И наслаждался прогулкой, задвинув все тревожные и беспокоящие меня мысли на задворки разума. Тем более что окружающая действительность этому способствовала.

Во-первых, тишина. Конечно, сравнивать деревенский шум с постоянным городским гулом нет смысла, но даже в такой небольшой деревушке, как Тихань, тишину постоянно что-нибудь да нарушало: ор петухов, стук молотка, визги ребятни, скрип колодезного журавля. В лесу же стояла настоящая тишина, природная: ветер шуршал кронами сосен высоко над головой, невидимые птички чирикали в кустах рядом с дорогой, топали по песку деревянные галоши Глинды. Я даже слышал как звенит кровь в венах.

Во-вторых, запах. После запахов пыли, дыма и навоза, лесной воздух со вкусом озона вдыхать было приятно до безумия. За одну только возможность дышать таким воздухом я был готов благодарить провидение, высшие силы или программистов этого виртуального приключения, что бы там меня сюда ни забросило.

Ну а до третьей причины мы скоро дошли. Лесной ручей, через который дорога проходила по бревенчатому мосту. Не удержался: лёг на брёвна и стал пить, набирая прохладную воду горстями.

Вода и правда показалась вкусная, даже лучше чем из колодца в Тихани. Хотя не настолько, как мне показалось в прошлый раз. Зато и сталкивать в ручей меня сейчас никто не будет.

От этой мысли настроение испортилось.

— Дальше через лес идти, — сказала Глинда, дождавшись когда я напьюсь. — Скоро стемнеет, может здесь остановимся на ночёвку?

— Хорошо, — кивнул я, взглянув назад. Серую ленточку дороги затягивали робкие щупальца белёсого тумана. — Так и сделаем.

И тут настал звёздный час Дары. Пока я бродил между сосен, собирая валежник для костра, она успела соорудить навес, развести костёр и набрать лапника на подстилку. Я положил охапку веток возле огня, над которым уже висел котелок, и от души порадовался, что взял орчанку с собой:

— С тобой, Дара, в лесу не пропадёшь! Вот это я понимаю, настоящая выживальщица!

— С-спасибо, хозяин.

Жаль, что на чёрной коже не видно смущения, было бы забавно посмотреть как орчанка краснеет.

— Зови меня лучше по имени: Александр.

Орчанка отвлеклась от затачивания колышка и уставилась на меня. Всё-таки страшненькая она. Как бы не прибить спросонья.

— Значит так, ужинайте и отдыхайте. Я покараулю полночи, потом тебя, Дара, разбужу. Вряд ли кто-то на нас нападёт, но лучше всё-таки перестраховаться.

— А я? — Глинда высыпала крупу в закипающую воду, и тоже взглянула на меня. — Разве я не должна караулить?

— Не сегодня. У тебя и так был тяжёлый день. Отдыхай.

…

Костёр переливался оранжево-красной авророй тлеющих угольков. Я сидел рядом, изредка скармливая огню хворост. Глядел на пламя. Слушал потрескивание сгорающих веток. Вдыхал ночной воздух с дымной приправой. И впервые за всё время, проведённое в этом мире, задумался о том, что я тут делаю.

Для начала надо отбросить все бредовые идеи о том, что я сплю или нахожусь в виртуальной реальности. Я не вернусь назад. Нужно признать, что я здесь останусь до конца. До смерти. В этом теле, с этими людьми и нелюдями. И все мои поступки, решения и слова останутся со мной. Их не отмотать во времени, не отменить и не вычеркнуть из памяти. А что я делал всё это время, с тех пор как очнулся в подземелье, похожем на малобюджетный вариант убежища из Фоллаута?

Убивал.

Убил тех троих на свадьбе, охранников при побеге. Сломал шею напавшему на меня в дровянике. Убил орков: целенаправленно, жестоко. И как вишенка на торте — заколол Анжея этого. Прихлопнул, как насекомое. И никаких угрызений совести. Будто это не меня учили в детском саду, в школе, в институте, что жизнь священна. Что убивать плохо. Плохо, конечно. Только посмотрел бы я на этих учителей на моём месте.

Шею задело что-то твёрдое.

— Ты убит.

Я вскочил и обернулся на голос, запоздало покрываясь испариной. Дара, едва различимая в темноте, бросила в костёр ветку, которой ткнула меня в шею.

— Я так над Повом шутила. Его это бесило.

— Пов?

— Брат. У тебя его ненаглядный трофей на ногах, — Дара показала на берцы.

Я сел обратно, пододвинувшись и приглашающе похлопав по расстеленному на земле плащу. А

ведь могла и ножом по горлу чикнуть. Ну, раз сразу не убила, то и бояться нечего.

— Чего не спишь, Дара?

— Днём отдыхала. Сейчас подремала тоже. Моя очередь смотреть.

Чудная она, конечно. Не понять, что у неё в голове творится.

— Ты ведь давно могла убить меня и убежать.

Дара бесшумно села рядом, прислонившись плечом к моей руке.

— Зачем? Ты добрый. Старшая тоже добрая. Еды много, одежда хорошая. Люди красивые.

— И вкусные?

— И вкусные, — согласилась Дара. — Особенно голова.

— Пока ты со мной, людей есть не будешь.

— Знаю. Мясо — еда мужчин. Еда женщин — зерно и корни.

Удивительно, как быстро орчанка приспособилась к новой жизни.

— Ты меня, наверное, ненавидишь, ведь я убил твою семью.

Дара ответила не сразу.

— Мама рассказывала, что папа убил её родителей и братьев. Забрал её и сестру. Мамина сестра отомстила, передушила папиных детей. Папа её убил. Мама осталась одна.

Дара подбросила в костёр ветку и прижалась ко мне сильнее.

— Мама говорила, плохая жизнь лучше хорошей смерти. Я хочу жить.

— Ладно. Тогда оставляю на тебя охрану наших жизней, — я погладил орчанку по кудряшкам, задев сухо брякнувшие костяные висюльки. — Я спать.

Забрался под навес, вытянулся на еловом лапнике, пахнущем свежей смолой. Прислушался — рядом тихонько сопела спящая Глинда. Накрыл плащом, придвинулся к ней плотнее, слушая её дыхание. Под эту колыбельную и уснул.

***

Мы вышли к каменному плато, когда солнце поднялось высоко в небо. Ночь прошла спокойно, как и путь через выжженный лес. В этот раз вела нас Дара, по следам, оставленным отрядом Хильд и гонцом Марка. Идти по чёрной земле среди обугленных сосен было неуютно, и вчерашнее настроение туристического похода сменилось мрачным ожиданием неприятностей.

Первой из которых стали похороны копейщика, найденного нами на том месте, о котором говорил гонец. Обряд не занял много времени — я срезал дёрн в прогалине между деревьями, уложил в неглубокую яму тело. Дара и Глинда натаскали камней с плато. В изголовье могилы я воткнул копьё. И мы пошли ко входу в убежище.

Поначалу я оглядывался по сторонам, готовясь бежать обратно при малейшем признаке появления марева. Но, похоже, охранную систему или отключили, или она не действовала на тех, кто шел к убежищу. А может, прихваченная из арсенала упырей подзорная труба вместе с плащом-невидимкой делала меня своим для местной защиты. Так что до каньона мы дошли без происшествий.

Подвесной мост ещё не починили: обрубленная часть неподвижно свисала с той стороны ущелья. Люк на входе наглухо запечатан, и людей поблизости от него я не увидел.

— Пойдём, проверим, на месте ли обход, о котором говорил пленный, — сказал я девушкам, которые разглядывали каменный пейзаж рядом со мной. Дара — с любопытством, а Глинда с посеревшим от воспоминаний о пережитом ужасе лицом.

Вопрос только, в какую сторону идти. Честно говоря, я уже забыл, что рассказывал пленник. Вроде бы переправа должна быть в лесу. Только с какой стороны? Я не спеша осмотрелся. Если не считать разлома перед нами, вокруг было идеально плоское каменное плато. Практически без растительности: редкие пучки жухлой травы, торчащей из трещин в камне можно было не считать. Такое чувство, будто камень здесь разгладили гигантским утюгом.

Расщелина, прочертившая на плато неровную линию, оказалась не слишком глубокой: метров тридцать до бурлящей внизу речки. С нашей стороны склон был пологий, усыпанный мелким каменным крошевом. С другой стороны — монолитный отвесный камень, в котором темнели выемки, слишком ровные для того, чтобы быть пещерами естественного происхождения. Похоже, что разлом зацепил часть подземных строений. Может быть удастся пробраться внутрь через них?

— Направо, — скомандовал я, и первым двинулся вдоль обрыва. Попробуем поискать переправу ближе к истоку речки.

Мы прошли через всю каменную площадку и углубились в рыжий лес метров на пятьсот, прежде чем мы нашли путь на ту сторону ущелья. Кто-то повалил несколько сосен, растущих у края, и сложил их вместе в некотором подобии моста. Лесной пожар сюда не добрался, и переправа не пострадала. Вскоре мы уже шли обратно к убежищу.

По дороге наткнулись на источник реки — лопнувшая труба диаметром метра в два, торчащая в разломе на глубине десяти метров. Из трубы бурным потоком хлестала вода, размывшая противоположную стену ущелья. Получилась огромная пещера, которую я предпочёл обойти подальше. Не хотелось бы оказаться на краю, когда она обрушится.

На этой стороне каменную равнину усеивали множество ржавых «грибков», на поверку оказавшихся выходами вентиляции. Метрового диаметра конусы из металла толщиной в палец ровными рядами усеивали плато. Некоторые «грибки» парили маревом горячего воздуха, из других выходил водяной пар, рассеивающийся в сухом воздухе практически мгновенно. Я попробовал их посчитать, и сбился на первой сотне. Идея заткнуть их все теперь казалась мне не лучшей. Тут работы на несколько недель.

Недалеко от входа в убежище я заметил встречающую делегацию. Нас уже давно заметили.

http://tl.rulate.ru/book/96445/3299226